

Итак, хлыстом мои губы выстегай,
Цепью и крючьями вытащи крик.
Как всякий поэт, я — сердце статистики:
Толпоголос мой голый язык.
И се аз глаголю: не эпилепсийщиной,
Дыхом толпы душа взмятена.
Свистами сверстников зубы насыщены.
Что ж я за племя? Обдумайте нас.
Мы, когда монархии (помните?) бабахали,
Только-только подрастали, среди всяких «но»,
И нервы наши без жиров и без сахара
Лущились сухоткой, обнажаясь, как нож.
Мы не знали отрочества, как у Чарской в книжках, —
Маленькие лобики морщили в чело,
И шли мы по школам в заплатанных штанишках,
Хромая от рубцов перештопанных чулок.
Так, по училищам, наливаясь желчью,
С траурными тенями в каждом ребре,
Плотно пёрло племя наших полчищ
С глухими голосами, будто волчий брех.
И, едва успев прослышать марксизм,
Лишённые классового костяка,
Мы рванулись в дым, по степям по сизым,
Стихийной верой своей истекать.
И если бы этой вере — наука
Взамен утопических корневищ, —
Мы знали бы свой политический угол,
И не жёг бы совесть шелудивый свищ.

Но выли плакаты, трибуны и газеты,
Все что-то знали, все были тверды,
А мы глотали и то и это
И не умели заплатывать дыр.
Мы путались в тонких системах партий,
Мы шли за Лениным, Керенским, Махно,
Отчаивались, возвращались за парты,
Чтоб снова кипеть, если знамя взмахнёт.
Не потому ль изрекатели «истин»
От кепок губкома до берлинских панам
Говорили о нас: «Авантюристы,
Революционная чернь. Шпана...»
Какими ж зубами удержать свою ругань?..
Как вам втемяшить, что в гражданский угар
Мы мыкались в поисках неведомого друга,
В одном направленье видя врага;
Что, диаграммой истории владея,
От пролетариата не уйти нам теперь
По возрасту, по пульсу, наконец, — по идеям,
По своей, наконец, социальной судьбе?
Товарищ! Кто же там! Стоящий на верфи...
Вдувающий в паровозы вой! —
Обдумайте нас, почините нам нервы
И наладьте в ход, как любой завод,
Чтоб и мы имели право любить свою республику
Кровью, всерьёз, без фальши, без опер,
И выйти из жёлтого кадра пухленьких
Честных плательщиков в Доброхим и МОПР.